

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА КАК ИСТОЧНИК СТРЕМЛЕНИЯ США К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

(ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Горгола Евгений Викторович

доктор экономических наук, профессор. НОУ ВПО «Московского областного института управления и права»,
кафедра «Кафедра экономики, бухучета и финансов», член-корреспондент РАЕН
г. Москва, Российская Федерация. E-mail: evg-gorgola@ya.ru

Аннотация. В данной статье на основе методологии и методического аппарата современного институционализма исследуются сущность, основные черты и особенности общества постмодерна, формирующегося в США; раскрываются источники их столь значительного технологического и социально-экономического опережения других стран; анализируются движущие силы и механизм формирования корпорократического государства, генерирующего агрессивную глобалистскую экономическую и политическую стратегию США, а также последствия ее реализации.

Ключевые слова: США; стратегия; политика; институционализм; государство; управление; методы

Код УДК: 330.34

Annotation. On the basis of modern institutionalism methodology this article examines the nature, the main features and characteristics of postmodern society emerging in the United States; it reveals the sources of such significant technological and socio-economic advance compared to other countries; it analyses driving forces and mechanism of forming of corpocratic state which generates aggressive globalistic economic and political strategy of the United States, as well as the consequences of its implementation.

Keywords: USA; strategy; politics; institutionalism; state; governance; methods

Развитие Российской Федерации в современных условиях настоятельно требует не только уточнения всей конфигурации рисков и угроз экономического, военно-экономического и военно-политического характера, но также подробного анализа механизмов их возникновения. Поскольку основные из них являются следствием осуществления агрессивных, глобалистских стратегий ведущими, наиболее развитыми странами Запада, считаем необходимым выявить глубинные причины и мотивы появления этих стратегий, движущие силы их реализации, а также истинные цели.

Методологической базой такого анализа наиболее целесообразно использовать концепции институционализма, позволяющего исследовать современные экономические и социальные процессы, выяснить тенденции и закономерности развития общества постмодерна в США,

генерирующего основные глобальные угрозы современности. Кроме того, что он успешно применяет самый широкий спектр знаний гуманитарных и естественных наук в исследовании общественных и экономических явлений, неинституционализм во многих случаях гораздо ближе к реальности, чем неоклассическая теория. И хотя представители «старой» институциональной теории (Т.Б. Веблен, Дж.Р. Коммонс, У.К. Митчел, Дж.К. Гэлбрейт и др.) отрицательно относились к попыткам ее использования для анализа экономической политики, инструментарий и идеи «новой» школы (Р.Г. Коуз, Д.С. Норт, О.И. Уильямсон, Р. Познер, Дж. Бьюкенен и др.), с учетом опыта применения институционального анализа российскими экономистами (В. Автономов, А. Аузан, В. Радаев, В. Полтерович, В. Тамбовцев, В. Крюков, О. Сухарев, Ю.Веселов и др.), на наш взгляд, наиболее адекватны для исследования именно постмодернистской (государственно-монополистической?) стадии развития капитализма в США.

К исходным, базовым положениям институционального анализа, которые, как мы считаем, необходимы для нашего исследования, относятся следующие.

1. Институты (традиции, нормы, правила), как и институты (учреждения, организации, ассоциации), являются производными предыдущих институтов, которые при этом не умирают, преобразуются и приспосабливаются к новой стадии социальной жизни общества, продолжая оказывать существенное влияние на жизнь следующих поколений, иными словами, в институциональном анализе следует учитывать кумулятивный эффект в развитии институтов (значение проблемы институциональной регрессии).

2. Эффект регрессии в институциональном анализе характеризует реальные связи институтов и решения агентов, которые реализуются посредством осуществления властных полномочий. Поэтому ключевыми в институциональном анализе являются проблемы распределения власти, доходов и ресурсов. Именно это в результате и формирует основное направление социально-экономического развития, качество которого зависит от того, как и чем разрешаются регрессивные эффекты.

3. Классическая экономическая теория предлагает множество моделей экономического роста, основанных на анализе количественных экономических параметров, исходя из поведения стандартной производственной функции, при этом в нем отсутствуют важнейшие формальные и неформальные нормы, правила, без которых объяснить все разнообразие социальных отношений, правила производственной деятельности, деловой конкуренции невозможно, иными словами, производственная функция должна обязательно включать, учитывать явные и неявные транзакционные и трансформационные издержки (о необходимости качественного анализа указывали Г. Мюрдаль, Т. Шульц, А. Сен).

4. Абсолютное господство институциональных идей в США после первой мировой войны, достаточно сильное их влияние после второй мировой войны сменяется противостоянием с либеральной идеологией в середине прошлого века, хотя представители институционализма никогда не были против свободы предпринимательства, но они всегда пытались объективно охарактеризовать роль государства, дать оценку этому институту, понять его природу, определить его границы.

5. Допущение новой институциональной теорией наряду с поведением экономических агентов ограниченной рациональности, обусловленной доступностью информации, таких типов поведения, как органическая рациональность и оппортунистическое поведение, как крайняя форма ориентации на собственные интересы. По словам О. Уильямсона: «Следовавшие своим интересам, в т.ч., обманым путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться *ex ante* и *ex post* [1].

6. В новом институциональном анализе институты – это правила игры, а организации – это не сложные институциональные системы, а игроки, вовлеченные в определенный процесс с заданными ограничениями, поэтому конкурентоспособность организации всегда связана с инвестированием в те знания, которые обеспечивают успех в будущем, т.е. в приближение к новому технологическому укладу, а в условиях интенсификации технико-экономического развития, обоснованного еще Й. Шумпетером, все большее автономное значение и влияние приобретают политические структуры и правовая инфраструктура. Таким образом, главным источником институциональных изменений является политико-правовая система, позволяющая проводить преднамеренные трансформации, которые рассматриваются институционалистами (Д. Норт) как «результат спроса предпринимателей в контексте воспринимаемых издержек перестройки институциональной структуры, приносящей неодинаковую отдачу» [2], однако различные экономические и политические организации стремятся также сохранить свои позиции в институциональной матрице и также стараются внести свой вклад в институциональные изменения. Поэтому неэффективная экономическая политика способна подорвать текущую институциональную структуру, сузить потенциальные возможности изменений, если не будут учитываться историко-культурные и социально-экономические тренды развития государства. При этом правительственное управление институциональными изменениями возможно только посредством воздействия на формальные нормы, т.к. они изменяются гораздо быстрее, нежели неформальные правила экономической жизни. Отсюда – эффективность политического рынка будет измеряться не экономией на транзакционных издержках, а степенью соответствия политических программ задаче обеспечения максимальных доходов главных экономических агентов, участников обмена и избирательного процесса. Иными словами, требуется достичь такого уровня издержек, который позволил бы поддерживать и наращивать с определенными темпами уровень общественного благосостояния, но главным образом, и, в первую очередь, доходы основных субъектов рынка.

В современной англоязычной научной литературе уже достаточно давно используется категория «political economy of post-modern» [3], несмотря на то, что теория общества постмодерна фактически еще находится в стадии разработки. И все же, соглашаясь в целом с идеями К.Поланьи о наступлении некоей новой стадии развития общества [4] (термины «общество третьей волны», «технотронное общество», «новое индустриальное общество» «информационное общество» фактически не прижились), при которой определенного (высочайшего) уровня достигает производительность труда, а, соответственно, и уровень благосостояния большинства населения, происходит кардинальное изменение соотношения экономического и социального начал в самой структуре общества, трансформируется общественное сознание под воздействием потоков информационных ресурсов, а вслед за этим меняются морально-нравственные основы, мы попытаемся применить институциональный инструментарий для политэкономического анализа складывающейся в США экономической и политической системы, выяснить источники и движущие силы воинствующего глобализма в этой, действительно, великой стране.

Какие же изменения должны происходить в экономике в период перехода общества к постмодернистской стадии?

Во-первых, изменяется роль, значение и место экономики, как для индивида, так и для общества в целом: на протяжении практически всей истории человечества все силы общества были отданы выживанию, теперь же эффективность экономики такова, что общество прилагает все меньше усилий для получения все большего количества благ и услуг.

Во-вторых, на стадии развития общества, позволяющей удовлетворять потребности большинства населения, изменяются условия функционирования экономики и принципы ее построения: основополагающий принцип эквивалентности в традиционной экономике уступает место инновационному соотношению затрат и результатов – чем меньше затраты, тем выше результат.

В-третьих, экономика развитых стран по своей внутренней структуре уже не может быть индустриальной – возрастает количество занятых в сфере услуг, а также в области образования, науки, культуры, маркетинга, туризма и т.д.. В развитых странах рабочая неделя имеет тенденцию к сокращению до четырех дней и теперь рабочий класс борется не за сокращение, а за его увеличение. Это означает, что все меньшее количество производительного живого труда требуется для обеспечения существования все большей части населения, не связанной с экономикой.

В-четвертых, коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производящего превращается в потребительское. При этом первоочередные потребности населения – в питании, жилье, медицинском обслуживании, в труде, – удовлетворяются достаточно полно, зато все большее значение приобретают другие потребности, бывшие ранее вторичными, кстати, при этом сами потребности формируются и регулируются обществом с помощью рекламы, СМИ и других средств воздействия на массовое сознание.

В-пятых, если ранее производительное общество требовало расширенного воспроизводства, высоких темпов развития, высокого уровня инвестиций, то в обществе постмодерна темпы экономического роста становятся более умеренными, все большая часть прибыли не реинвестируется, а направляется в заработную плату, в налоги, а, соответственно, в развитие социальной сферы, социальной помощи и социальной защиты. В производительном обществе труд, затраты труда, стоимость, прибавочная стоимость, прибыль являются основными категориями, в обществе потребления эти категории уступают место категориям полезности, потребительной стоимости, управлению потребительским поведением. Становится очевидным, что затраты на, собственно, производство не являются теперь основными – гораздо больше тратится на НИОКР, рекламу и продвижение товара на рынке. Поэтому во многих случаях объектом покупки выступает не столько товар, сколько соответствующий брэнд. Нестоимостные категории начинают играть все большую роль в оценке эффективности производства: например, теперь уже ни одно предприятие не может не учитывать потребительских предпочтений, требований социальной или экологической эффективности.

К середине XX века стало ясно даже либералам, что свободный рынок в принципе не способен быть основой саморегулирующейся системы. Только государство способно целенаправленно регулировать макроэкономические процессы, обеспечивая равновесие и движение экономики вперед. Более того, государство к концу XX века само превращается в крупнейшего, самодавящего агента экономических отношений. А в самое последнее время мы видим, что не только национальные государства активно воздействуют на экономическое развитие: активно функционируют наднациональные союзы – такие, как НАТО, Европейский союз, способные обеспечивать дальнейшее подчинение экономики одних стран экономическим и политическим целям других, в т.ч. для достижения экономических и военно-политических целей.

Кроме того, в экономике наиболее развитых стран проявляются весьма важные тенденции: например, все большую самостоятельность и независимость от рыночных механизмов регулирования приобретают ключевые факторы производства – труд и капитал. Образуя крупные корпорации, международные бизнес-сообщества, бизнес приобретает все больше возможностей для проведения собственной экономической политики. Труд, создавая свои монопольные объединения – профсоюзы фактически выводит товар – рабочую силу с нерегулируемого, конкурентного рынка, т.е. заработная плата становится независимой от рыночного цикла. Это явление Дж.М. Кейнс называл «негибкостью» заработной платы [5]. Таким образом, и труд, и капитал практически становятся неподвластны объективным рыночным законам, все больше подчиняясь политическим силам общества.

Раскрыв основные особенности и наиболее общие черты общества постмодерна, которое складывается и развивается пока что только в одной стране мира – в США, попытаемся

проанализировать экономические и политические механизмы данной общественной системы. При этом мы должны правильно понимать, что сложившийся гандикап США по отношению к остальному миру – это далеко не признак исключительности данной нации (о чем без устали твердит американский президент), а результат весьма хитроумной политики североамериканских штатов в годы первой и второй мировых войн, которые, как свидетельствует история, были развязаны не без коммерческого интереса американских компаний и в которых фактически единственным экономическим победителем оказались США, не только не допустив ведения боевых действий на своей материковой территории, но и финансируя до последнего дня войны обе противоборствующие стороны. Поэтому, конечно, большинство стран мира не только не приблизились к состоянию постмодерна, но находятся еще в стадии традиционного общества или на этапе перехода от традиционного к обществу модерна (80% населения планеты проживает в развивающихся странах).

1. Институционный анализ достаточно убедительно объясняет, что результатом сознательного сохранения руководством США всего аппарата идеологического противоборства времен «холодной войны» стало нарастание не только количества этих институтов (в соответствии с кумулятивным эффектом), но и масштабов их работы, переросшей в ведение полномасштабной информационной войны уже против правопреемника СССР – Российской Федерации, наращивание антироссийской истерии и пропаганды как в американском обществе, так и в во всем мире. И дело здесь не только в «живучести» сложившихся стереотипов и институтов, а, главным образом, в обострении проблем ресурсообеспечения (хотя некоторые исследователи упорно отстаивают позицию отрицающую само наличие проблемы редкости ресурсов в условиях экономики постмодерна) и конкурентности экономики страны на мировом рынке (значительно пошатнувшийся экономический и финансовый авторитет США в результате последних кризисов тому подтверждение). Кроме того, сформировавшийся после распада СССР стереотип единственной сверхдержавы не дает возможности руководству США объективно оценивать происшедшие изменения в мире и в еще совсем недавно таких слабых бывших социалистических странах. Многополярность, идущая на смену однополярному мироустройству, воспринимается как «угроза демократии» во всем мире, хотя на самом деле сами США уже давно стали мировым тираном (Сербия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина – это неполный перечень прямого вмешательства США в дела суверенных государств в своих интересах за последние 15 лет).

Например, свои идеи о необходимости реализации концепции гегемонии США представители Республиканской партии обосновывают тем, что в мире отсутствуют государства, сопоставимые по военной мощи с США. И в этих условиях необходимо приложить максимальные усилия не только на укрепление, но и на увеличение разрыва в военном потенциале с другими странами. А укрепив позиции НАТО в регионах, где США не имеют стратегических интересов, можно снизить экономические и военные расходы. Американский политолог и специалист по истории международных отношений Эндрю Дж. Бацевич в своей статье «Новый Рим, Новый Иерусалим» отмечает особенности американской империи в отличие от традиционных исторических империй. В частности, осуществление имперской власти заключается не в непосредственном воздействии на «сателлитов», а в развитии «промежуточных институтов», т.е. международных и региональных организаций, в деятельности которых США играют определяющую роль. Таким образом, в политическом истеблишменте формируется «неоимперское» видение места и роли США на мировой арене, предоставляющее Америке возможность глобального распространения своего «либерально-демократического опыта посредством морального убеждения и политической кооптации... или посредством насилия, если это необходимо» [19].

2. С точки зрения институциональной регрессии экономическая эффективность идентифицируется на практике с коммерческим успехом, т.е. с победой в конкурентной борьбе, а значит, крупнейшие корпорации – лидеры экономики, независимо от того, какими способами и

методами они этого добились (например, Дж. Рокфеллер вплоть до апреля 1945 года зарабатывал на поставках топлива фашистам, а Г. Форд-старший – на поставках в Германию автомобильной техники, оба, безусловно, «иконы» бизнеса в США, а знаменитый авантюрист, спекулянт и мошенник Дж. Сорос – почитается как великий финансист и выдающийся эксперт)-образец эффективности, что совершенно резонно предполагает распределение и перераспределение национального богатства, а, соответственно, и власти в стране в их пользу. Таким образом, государство постмодерна выступает фактически самостоятельным экономическим агентом, специальным институтом, отстаивающим интересы бизнес-верхушки общества как внутри страны, так и за рубежом, а пресловутая «американская демократия» давно переродилась в особую форму «диктатуры доллара».

3. По мнению современных представителей институционализма, в т.ч. отечественных (например, социологов О. Сухарева, Ю. Веселова, М. Пискунова), устойчивость развития социальной системы непосредственно связана с устойчивостью институтов к мутациям. Соответственно, устойчивая система должна иметь некие стабилизаторы, предотвращающие угрозу неэффективного развития. И здесь сразу возникает проблема определения критериев эффективного развития.

Однако в обществе, где критерием общественного успеха выступает конкурентоспособность любой ценой, шкала морально-нравственных ценностей резко смещается в сторону не только от христианских заповедей и гуманистических идеалов, но порой и от здравого смысла. Прикрывается это все усиленной пропагандой такой универсальной и удобной идеи как толерантность, которая объявляется чуть ли не сердцевинной современного понимания демократии. Отсюда навязываемые всему миру жестокие бизнес-идеалы, а также, по сути, чуждые христианству идеи (например, легализация однополых браков, поощрение тоталитарных сект, поддержка террористических организаций, выступающих за насильственное свержение законных органов власти и режимов, неугодных Вашингтону) и, конечно же, объявление антидемократичными тираниями стран, нежелающих признавать эту идеологию.

Поэтому для сегодняшних американских республиканцев, отвоевавших парламентское большинство, низкая эффективность политики действующего президента США ассоциируется, в первую очередь, с недостаточно жесткой позицией по отношению к России, отказом от оказания прямой военной помощи украинскому руководству в борьбе с собственным народом за осуществление конкретных коммерческих целей американского бизнеса – разрушение российско-западноевропейского сотрудничества, ослабление и экономическое подчинение ЕС, устранение на европейском рынке главного конкурента – РФ, нанесение максимального экономического ущерба ее экономике, а также решение важнейшей макроэкономической проблемы – гигантского государственного долга с помощью поддержания гражданской войны в Украине, максимально длительных поставок вооружения и боевой техники, втягивания в конфликт европейских стран-членов НАТО при минимальном непосредственном участии ВС США.

В то же время недостаточная макроэкономическая и социальная результативность политики администрации Б. Обамы, по сути, не является главным критерием ее оценки.

4. Выше уже было отмечено, что государство постмодерна как специфический институт, представляет собой вотчину крупных и крупнейших корпораций, действующую в их интересах как самостоятельный агент экономических отношений, участвующий в игре наряду с другими субъектами, но обладающий, безусловно, подавляющим влиянием. По определению Э.С. Райнерта, форма государственного устройства, при котором высшая власть принадлежит корпорациям и осуществляется непосредственно ими либо выборными и назначенными представителями, действующими от их имени, называется корпоратией (или корпорократией) [6]. В книге «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинс пишет: «Корпоратия – это люди, мужчины и женщины,

которым принадлежат крупнейшие корпорации. Они контролируют правительство США через институты и большую часть правительств мира. Они контролируют напрямую СМИ, владея ими. Этими людьми движет единственная идея – извлечение максимальной прибыли» [7].

В начале 70-х годов влиятельнейшей финансово-энергетической группой американской элиты – кланом Рокфеллеров была организована знаменитая в свое время Трехсторонняя комиссия. Главной целью комиссии была координация усилий американской, европейской и японской элит в деле построения нового мирового порядка и противодействия СССР. В своих мемуарах Дэвид Рокфеллер писал: «Некоторые даже верят в то, что мы (семья Рокфеллеров) являемся частью секретной политической группы, работающей против жизненных интересов Соединённых Штатов, и характеризуют мою семью и меня как «интернационалистов», вступивших в сговор с другими группами по всему миру для построения более интегрированной глобальной политической и экономической структуры – единого мира, если угодно. Если обвинение заключается в этом, то я признаю себя виновным, и я этим горжусь» [8]. Собственно Трехсторонняя комиссия и стала одним из инструментов формирования тех наднациональных элитных сетей, которые вместе с государствами являются основными акторами сегодняшней мировой политики и экономики.

Симбиоз американских корпораций, национальных правительств и международных банков приводит к тому, что на международной арене появляется некий сверхмощный агрегированный экономический агент, конкуренция с которым оказывается просто невозможной. В этом случае все естественные законы формирования спроса, предложения и цены подавляются и все запланированные корпорократией потоки ресурсов, капитала, труда и информации становятся безальтернативными. Безусловно, такое систематическое навязывание мировой экономике заранее заданного алгоритма действий рано или поздно должно привести к снижению эффективности всей мировой экономики. Можно добавить, что корпорократия представляет собой способ консервации сложившейся иерархической структуры мировой экономики. Отсутствие позитивных перестановок в мировой иерархии опять-таки рано или поздно приведет к снижению эффективности мировой хозяйственной системы.

В апреле 2015 г. в Нью-Йорке начался 9-й раунд переговоров между представителями США и Евросоюза по вопросу о заключении Трансатлантического договора о торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). Официальные лица по обе стороны Атлантики в качестве главного аргумента в пользу договора называют цифру в 100 млрд. долл. Якобы на такую сумму увеличится совокупный ВВП США и 28 стран-членов ЕС. Прежде всего, образуется огромная зона свободной торговли для населения в 800 млн. чел., что составляет почти 50% всего мирового ВВП и международной торговли. Все пошлины для стран ЕС и США исчезнут, а для внешнего рынка, вроде России и Китая, резко поднимутся. При этом будут уравнены в правах государства и корпорации. Произойдет унификация всего, в том числе промышленных стандартов, подтверждения квалификации и норм законодательства. Новое «супер-государство» будет жестче координировать законодательства стран-членов ЕС. То есть, иммиграционные лазейки на национальных уровнях исчезнут.

При этом, если посмотреть на этот процесс в глобальном масштабе, то станет очевидно, что США одновременно приближаются к заключению договора о свободной торговле и с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Проект Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) охватывает 12 стран региона – без Китая. ТТП призвано стать альтернативой АСЕАН и АТЭС, которые США считают недостаточно эффективными. Оно должно обеспечить контроль США над тихоокеанской зоной в противовес Китаю. Договор с Европой будет своеобразной основой этой системы. После заключения этих двух мега-соглашений США возьмут в клещи главного конкурента и геополитического соперника-Китай.

На сегодняшний день имеются серьезные опасения, что эти проекты ТТИП и ТТП будут реализованы, несмотря на все возражения. Таким образом, США делают ставку на сколачивание

собственного мега-блока, в котором и европейцы, и азиаты будут играть подчиненную роль. Это нанесет серьезный удар по концепции многополярного мира[20].

Здесь уместно вспомнить соответствующие работы В.И. Ленина о стремлении государственно-монополистического капитализма к гегемонии. Надо сказать, что сейчас его идеи кажутся весьма актуальными, а сам В.И. Ленин – действительно, выдающимся дальновидным политиком и экономистом. Сегодняшняя корпорократия – это по сути дела очередной виток в развитии империалистического капитализма на его государственно-монополистической стадии [9].

5. Еще одной важной стороной деятельности глобальной институционализации является связь «институт – культура». Дело в том, что одним из результатов деятельности корпорократии является разрушение традиционных культур развивающихся стран: уничтожение коренных племен Эквадора; превращение Саудовской Аравии в прозападное государство; попытка создать оазисы в пустыне Ирана; «запуск» гражданской войны в Ираке; нарушение традиционных устоев жизни в Афганистане с последующей «наркотизацией» страны и т.п.

Американское военное присутствие наблюдается в 123 странах. Народы этих государств все чаще заявляют протест против американского влияния на их жизнь и суверенитет.

6. Будучи самостоятельным агентом экономических отношений, корпорокративное государство постмодерна, преследуя собственные интересы, избирает явно оппортунистическое поведение, основанное на достижении своих целей любой ценой, не считаясь ни с общепринятой моралью, ни с нравственными идеалами гуманизма.

Между национальными интересами государства США и интересами наднациональных элит имеются серьезные различия. В американском политическом истеблишменте интересы большого бизнеса, стремящегося к глобальному господству, наиболее полно представлены так называемым кланом Клинтонитов. Он, помимо собственно семьи Клинтонов, включает в себя обширную и разветвленную группу политиков, администраторов, военных, финансистов и т.п., чье выдвижение опять же прямо или косвенно связано все с той же Трехсторонней комиссией.

В ее недрах была разработана концепция «мягкой силы», впервые представленная в 1990 году в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» («Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»). Автор Дж. Най (один из представителей вышеупомянутого клана) разделяет мощь государства на две составляющих: так называемую «жесткую силу» (hard power) и «мягкую силу» (soft power). Под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а «мягкая сила» в основном характеризуется культурой, ценностями и политической идеологией. В книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике», вышедшей в свет в 2004 году, понимание «мягкой силы» раскрывается следующим образом: «Если Наполеон, распространявший идеи Французской революции, был обязан полагаться на штыки, то ныне, в случае с Америкой, жители Мюнхена, равно как и москвичи, сами стремятся к результатам, достигаемым лидером прогресса». И далее автор подчеркивает: «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны» [10]. На постах директора национальной разведки и заместителя министра обороны Дж.Най пытался на практике реализовывать свою концепцию. Однако, по оценке подавляющего большинства политиков, практиков, а также представителей военной и разведывательной элиты, не слишком преуспел в замене «жесткой силы» на «мягкую».

Главные аргументы критиков сводились к следующим. Методы «мягкой силы» включают в себя в первую очередь культурную политику, активные мероприятия по продвижению ценностей и

идеалов «свободного мира», т.е. буржуазной идеологии постмодерна. Однако, как показала вся предыдущая история и подтвердили годы, когда Дж. Най пытался на практике реализовать свою концепцию, применяя «мягкую силу», никогда нельзя планировать временные рамки достижения результата, а также практически затруднен объективный анализ – произошли ли перемены в результате осуществления политики «мягкой силы», либо под воздействием других факторов.

Тем не менее Дж. Най сделал чрезвычайно важный и принципиальный вывод о «мягкой силе». Он определил ее как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат. Поэтому: 1) управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии. Х. Клинтон уточнила это следующим образом: «Америка должна научиться делать то, что другие хотят, но не могут. И делать это коллективно» [11]. Т.е. впервые в американской внешнеполитической практике глобалистские интересы и глобалистский образ действия вышли на первый план по сравнению с национальными интересами Америки; 2) «умная власть» и «мягкая сила» предусматривают использование всего арсенала инструментов, имеющихся в распоряжении Америки и ее союзников, обслуживающих интересы наднациональной мировой элиты. Соответственно, эти инструменты могут и должны использоваться не только поодиночке, но и совместно, подкрепляя друг друга; 3) на смену пирамиде с жесткой иерархической структурой приходит «паутина разновеликих, разнокачественных и разнообразных действующих лиц, находящихся во взаимодействии». При этом становится понятным, что «в число таких акторов могут включаться не только различные государства, или их образования, но и общественные движения, политические группы, активистские группы внутри стран, на которые направлены действия». С учетом отмеченных выше обстоятельств провозглашенная Х. Клинтон стратегия являлась принципиально новой, поскольку фактически представляла собой механизм использования не только ресурсов США и других стран, но также местной «пятой колонны» в интересах наднациональной элиты.

Механизмом претворения в жизнь политики «мягкой», а затем ее разновидности «умной» силы стала концепция и инструментарий так называемого «управляемого хаоса», разработанные Стивеном Манном, который, собственно, и не скрывал, что его концепция «управляемого хаоса» есть механизм практической реализации идей Дж. Най. В одной из своих работ он прямо писал: «Конфликтная энергия заложена в основы человеческих свойств с того момента, когда индивидуум стал базовым блоком глобальных структур. Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора – в сумме идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности, поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса? С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека» [10].

С. Манн считал, что при помощи подобного программирования можно либо «отложить создание критического состояния, либо поощрить его, и направить развитие системы в нужное русло». При этом, «в действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор» [12]. Следует заметить, что Стивен Манн не имел ни математического, ни физического образования, а являлся специалистом по английской классической литературе, который затем перешел на дипломатическую работу и был близким к Пентагону. Впервые его прикладная концепция была обнародована спустя два года после опубликования первых работ по «мягкой силе» в 1992 году в журнале военного колледжа Армии США, под названием «Теория хаоса и стратегическая мысль».

В своих статьях, посвященных прикладным аспектам теории хаоса, он обосновывал новую пентагоновскую стратегию, связанную с крахом Советского Союза. Эта стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена еще Президентом Джорджем Бушем-старшим. Стратегия предусматривала, что «первая и главная цель стратегии состоит в том, чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединенные Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий, которые должны обеспечить условия, предотвращающие доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых Азии» [13].

В последнее время эффективным методом реализации стратегии «мягкой силы» стали концепции достаточны для создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной «цветных» революций, базировавшиеся, в первую очередь, на комплексе работ Джина Шарпа. Фактически Джин Шарп поставил перед собой задачу обобщить, классифицировать, и привязать к конкретным ситуациям все наблюдавшиеся в современной истории методы ненасильственных действий по смене действующих режимов. В своей работе «Power and Struggle (Politics of Nonviolent Action, Part 1)» («Власть и борьба (Политика ненасильственных действий, часть I)», изданной еще в 1973 году, он классифицировал 198 методов ненасильственного протеста и убеждения [14]. Хорошо известны примеры «цветных» революций и роль западных внешнеполитических и разведывательных ведомств в их подготовке и практическом осуществлении. Однако, в настоящее время революционное конструирование Джина Шарпа стало предметом критического переосмысления. Летом 2013 года в ведущем учебном центре по подготовке специалистов по «цветным» революциям, во Флетчеровской школе Университета Тафта (США) совместно с ведущим центром по разработке методов сопротивления власти – Международным центром по ненасильственным конфликтам (ICNC) в полузакрытом режиме проводилась большая конференция «Ненасильственное сопротивление: вчера, сегодня, завтра», на которой обсуждался доклад М. Стефан и Э. Ченовез «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict». Доклад представляет собой изложение результатов статистического исследования всех гражданских конфликтов в мире за 1985–2013 гг. По итогам анализа выяснилось, что движения гражданского сопротивления добились успеха в 55% зафиксированных случаев, в то время, как военное противостояние власти имело успех только в 28%. Отсюда был сделан вывод о том, что «гражданские ненасильственные кампании обеспечивают устойчивый переход к демократии в два раза чаще, чем вооруженное противостояние с властью». Однако наряду с этим логичным выводом, на конференции выяснилось, что в течение последних 15 лет наибольшую эффективность показали комплексные стратегии, которые имели успех почти в 70% случаев. К таким стратегиям относились гражданские ненасильственные кампании, сопровождавшиеся либо угрозой силового противостояния с властью, либо точечными конкретными вооруженными акциями. Как результат – решение о необходимости разработки теории, а главное детального практического инструментария для организации гибридного гражданского сопротивления, включающего как ненасильственные методы, так и целевые вооруженные акции или угрозы применения силы против власти. Примером практической отработки подобного инструментария и технологий стали украинские события весны 2014 года. Кроме того, на конференции было рекомендовано повысить эффективность гражданских ненасильственных кампаний за счет широкого использования новых информационных технологий, обеспечивающих улучшение координации, информирования и обеспечения совместных действий «гражданского сопротивления».

Безусловно, заслуживает внимания и еще одна американская разработка – стратегия, которая

предполагает использование жесткого сценария, впервые предложенная одним из разработчиков теории сетцентричных войн Дж. Уордоном и получившая название *Effects-bases operations* (операции, основанные на эффектах или «на базе эффектов» – ОБЭ). Суть ее заключается в том, что осуществление агрессии в отношении какого-либо государства производится не извне, то есть не против вооруженных сил, не напрямую «лобовым образом». Более эффективной становится так называемая концепция ведения войны «изнутри наружу». При этом ОБЭ определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» [15]. Иными словами, ОБЭ – это такое качественное влияние на среду, при котором участникам ничего не навязывается прямым образом, но при этом они делают то, что хотят сетевики, выстраивающие эту модель управления.

В понимании сегодняшних претендентов на глобальное лидерство ОБЭ – это план прямого планетарного контроля, глобального господства нового типа, когда управлению подлежат не отдельные субъекты, а их содержание, их мотивации, действия, намерения и т.д. Это проект глобальной манипуляции и тотального контроля в мировом масштабе, что видно из определения ОБЭ. Задачей такой «операции» является формирование структуры поведения не только друзей, но и нейтральных сил и врагов, т.е. и враги, и занимающие нейтральную позицию силы, по сути, заведомо подчиняются навязанному сценарию, действуют не по своей воле, но по воле тех, кто осуществляет ОБЭ, т.е. США. Если враги, друзья и нейтральные силы в любом случае делают именно то, чего хотят от них американцы, они превращаются в управляемых (манипулируемых) марионеток заведомо – ещё до того, как следует окончательное поражение. Это выигрыш битвы до её начала. Цель сетевых войн – абсолютный контроль надо всеми участниками исторического процесса. И здесь необязательна прямая оккупация, массовый ввод войск или захват территорий. Армейские действия и собственно военные затраты излишни. Сеть – более гибкое оружие, она манипулирует насилием и военной силой только в крайних случаях, и основные результаты достигаются в контекстуальном влиянии на широкую совокупность факторов – информационных, экономических, социальных, когнитивных и т.д. При этом военная сила, если и применяется, то лишь строго дозированно, или как фактор демонстрации и устрашения [16].

Кроме того сеть представляет собой новое пространство: информационное пространство, в котором и разворачиваются основные стратегические операции – как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение. Сеть в таком широком понимании включает в себя различные составляющие, которые ранее рассматривались строго отдельно. Боевые единицы, системы связи, информационное обеспечение операций, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, экономическая политика, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, военно-экономическое и военно-техническое обеспечение, академическая наука, технические инновации и т.д. – всё это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой институциональной «сети», подчиненной интересам агрессора [17].

Таким образом, американские элиты и наднациональные глобалистские сети совершенно серьезно заняты разработкой принципиально новых действенных институциональных инструментов эффективного и, по возможности, экономичного решения проблем устранения геополитических противников и достижения полного глобального господства в мире.

7. Главная цель, ради которой государственная машина США реализует глобальную стратегию, провоцируя нестабильность в мире, – это сохранение мирового доминирования в условиях геополитических структурных изменений, обусловленных сменой технологических укладов, снижением их экономического влияния в мире. Исследования показывают, что в периоды глобальных технологических сдвигов наиболее развитым странам трудно сохранить лидерство, так как на волне роста нового технологического уклада вперёд могут вырваться развивающиеся

страны, преуспевшие в подготовке предпосылок его становления. В отличие от передовых стран, сталкивающихся с кризисом перенакопления капитала в устаревших производствах, у них есть возможность избежать массового обесценивания капитала и сконцентрировать его на прорывных направлениях роста. Отсюда необходимость жесткого экономического, в первую очередь, финансового контроля за региональным развитием, своевременной реакции на угрозы позициям США, объявивших себя исключительной нацией, выполняющей исключительную роль в мире.

Доминирование США в мировой политике с начала 1990-х гг., по мнению многих американских политологов, не вызывает никаких сомнений, в связи с чем стали создаваться различные концепции мирового лидерства Америки. Дискуссии среди политической и академической элиты США ведутся о характере и перспективах американского глобального лидерства и укрепления однополярной структуры мирового порядка. Можно выделить три направления:

1) концепция мировой («жесткой») гегемонии, в основе которой лидерство США в политической, военной и экономической сферах, – автор З. Бжезинский. Эта концепция нашла отражение в идеях представителей неоконсервативного направления американской политической мысли и Республиканской партии США. Сторонниками гегемонии являются Г. Киссинджер, Р. Кейган, Ч. Краутхаммер, У. Одом, Дж. Муравчик, Х. Сигерман, И. Кристол и др., а также ученые из консервативных научных центров, в том числе Фонда наследия, Института предпринимательства, Фонда Карнеги;

2) концепция «рыхлой» гегемонии (консервативно-либеральный подход), которая хоть и основана на преобладании лидерства США, но допускает элемент коллективизма. Сторонниками «рыхлой» гегемонии являются Ч. Купчан, Д. Эшбайр, Ф. Ларраби, Р. Блэквел, М. Линд, Р. Асмус и др. [19].

Концепция «встроенности» (теория реалистичного либерализма) США в многополюсный мир, сторонниками которой являются С. Хантингтон, Ч. Лейн, Ч. Мейнс, в политическом истеблишменте не пользуется широкой популярностью.

Поэтому до 2016 года США должны реализовать упомянутые выше глобалистские задачи создания трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и транстихоокеанского торгового партнерства. Вместе с отсутствием каких-либо формальных или экономических барьеров, формирование этих партнерств должно образовать своего рода огромную единую технологическую, производственную, финансово-экономическую и, в значительной степени, политическую зону. Для реализации именно этой задачи, в которой максимально заинтересованы все крупнейшие корпорации, доктрина «умной силы» с акцентом на коллективные действия, использование активистских групп и наличие единой неолиберальной идеологии, подходит как никакая другая. При этом на все другие международные события последнего периода, включая события на Ближнем Востоке, на Украине, в Южной Азии и т.п., верхушка мировой наднациональной элиты смотрит именно с позиции их использования для снятия препятствий и ускорения процессов подписания соответствующих соглашений, которые намечены на 2015 год. А значит американское внешнеполитическое ведомство реализует не столько национальные интересы, сколько обслуживает глобалистскую иерархо-сетевую структуру, в основе которой находится кластер крупнейших финансовых институтов и транснациональных корпораций.

Однако, на пути атлантического партнерства встали (неожиданно для США) неэффективные санкции против РФ, которые должны были одновременно решить две задачи: отвернуть Европу от России и занять место главного экономического партнера, усилив зависимость европейцев от американского капитала; вторая задача – ослабить и тех, и других, обеспечив себе заведомое конкурентное преимущество и региональное господство. На саммите АТЭС в Пекине на пути

американского плана возник китайский вариант тихоокеанского партнерства, который в итоге и нашел поддержку. Иными словами, с помощью «мягкой силы» США пока так и не смогли достичь своих глобальных целей.

Резонно предположить, что завоевание и удержание лидерства передовыми странами вынуждает их прибегать к силовым приёмам во внешней и внешне-экономической политике, что неминуемо способствует резкому обострению военно-политической напряжённости, рисков международных конфликтов. Таков трагический опыт двух предыдущих структурных кризисов мировой экономики: Великая депрессия 30-х годов, обусловленная достижением пределов роста доминировавшего в начале века технологического уклада, была преодолена во многом за счет милитаризации экономики, которая вылилась в катастрофу Второй мировой войны, а последняя не только стимулировала структурную перестройку экономики с широким использованием двигателя внутреннего сгорания и органической химии, но и повлекла кардинальное изменение всего мироустройства (разрушение тогдашнего ядра мировой экономической системы – европейских колониальных империй) и формирование двух противоборствующих геополитических социально-экономических систем.

Послевоенное мировое лидерство американского капитализма в выходе на новую длинную волну экономического роста было обеспечено не только чрезвычайным ростом оборонных заказов на освоение новых технологий и притоком мировых капиталов в США при разрушении производственного потенциала и обесценении капитала основных конкурентов, но и созданной передовой научно-технической и промышленной базой – результатом экономической победы во второй мировой войне. Депрессия середины 70-х – начала 80-х годов инициировала гонку вооружений в ракетно-космической сфере с широким использованием информационных технологий, составивших ядро нового технологического уклада. Инспирированный вслед за этим коллапс мировой системы социализма, не сумевшей своевременно перевести экономику на новый технологический уклад, позволил ведущим капиталистическим странам воспользоваться ресурсами бывших социалистических стран для выгодного использования новой длинной волны экономического роста. Бегство капитала и утечка умов из бывших социалистических стран, колонизация их экономик облегчили структурную перестройку экономики стран ядра мировой капиталистической системы, до этого стимулировавших становление нового технологического уклада путем переноса гонки вооружений в космос.

Эта же волна роста подняла новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать ключевые производства и заложить предпосылки их быстрого роста. Однако, США и здесь не упустили свой шанс, т.к. политическим результатом стала либеральная глобализация с доминированием США в качестве эмитента основной мировой резервной валюты.

Какие выводы можно сделать, благодаря институциональному анализу и зачем он вообще проводился?

1. Он позволяет увидеть реальные движущие силы столь высокоразвитого общества, представленные правящей верхушкой корпорократического государства, с их абсолютно варварскими интересами и целями, высокомерно полагающими, что ввиду своей исключительности они могут править миром как хотят.

2. В условиях постмодерна при господстве монополистического капитала эволюция институций и институтов все более будет подчинять общество его интересам благодаря кумулятивному эффекту и эффекту институциональной регрессии.

3. Институциональное «препарирование» исследуемой социально-экономической системы и сложившейся, благодаря ее действиям, ситуации в мире, позволяет констатировать следующее.

Причиной глобального кризиса и депрессии, охвативших ведущие страны мира в последние годы, стало исчерпание потенциала роста доминирующего технологического уклада. Выход из этого кризиса должен произойти на волне роста нового технологического уклада, в основе которого, главным образом, лежит комплекс нано-и биотехнологий. И, хотя сфера применения этих технологий не связана напрямую с производством военной техники, гонка вооружений и увеличение военных расходов привычным образом становится едва ли не главным инструментом государственного стимулирования становления нового технологического уклада.

Кроме того, крайне консервативная идеология правящих кругов США и их союзников по НАТО из всех радикальных вариантов реанимации расширенного воспроизводства в стране предпочитает увеличение расходов на оборону. Поэтому, сталкиваясь с необходимостью использования государственного спроса для стимулирования роста нового технологического уклада, милитаристские круги прибегают к эскалации военно-политической напряжённости в регионе, где вдруг оказываются в опасности «национальные интересы США», а значит, необходимым становится увеличение государственных закупок передовой военной техники. Именно здесь кроется одна из основных причин раскрутки Вашингтоном маховика войны на Украине, которая, безусловно, является не целью, а инструментом для реализации глобальной задачи сохранения лидирующего влияния США в мире. Нельзя также забывать, что в настоящее время происходит переход к новому вековому циклу накопления капитала, который еще более усугубляет риски развязывания войн и военных конфликтов.

4. В третьем тысячелетии развитие человечества требует новых форм организации глобальной экономики, которые позволили бы обеспечить устойчивое развитие и отражение планетарных угроз, включая социально-экономические, экологические и космические. Но в условиях либеральной глобализации, выстроенной под интересы транснациональных, в основном англо-американских, корпораций, эти вызовы существованию человечества остаются без ответа. Настоятельно возникающая необходимость обуздания мировой олигархии и упорядочивания движения мирового капитала заставляет обратиться, например, к восточно-азиатской модели организации современной экономики.

Устойчивый экономический рост в юго-восточной Азии, подъём Китая, Индии и Вьетнама вслед за Японией и Южной Кореей заставил многих исследователей заговорить о переходе от англо-американского к азиатскому вековому циклу накопления капитала. Осенью 2008 года разразился мировой экономический кризис, решать проблемы которого уже невозможно было в рамках однополярного мира и старого ядра Pax Americana, поэтому сразу после начала мирового кризиса был созван Антикризисный саммит «большой двадцатки» (G20) в Вашингтоне. Но в G20 страны периферии оказались в меньшинстве, в то время как США и страны ядра Американского цикла продолжали навязывать свою волю, фактически препятствуя переходу к новой парадигме мирового развития. Аналитик банка «Голдман Сакс» Джим О'Нил к десятилетнему юбилею аббревиатуры БРИК выпустил свой новый прогноз, в котором показал, что центр тяжести мирового потребления должен переместиться из стран G7 в страны БРИКС, доля которых к 2020 году вырастет с 23% до 62% мирового потребления, а «средний класс» мира к 2030 году составит 5,2 млрд. человек, из которых в БРИКС будет 52%, а в G7 – только 15% [18].

Становится ясно, что в условиях англо-американского цикла накопления капитала этого достичь будет невозможно, т.к. неэквивалентная торговля и финансовая гегемония стран ядра перераспределяет мировые финансовые потоки в интересах стран G7. Поэтому те же США, создавая менее 20% мирового валового продукта, потребляют более 35%, в то время как страны периферии недопотребляют. В мировой экономике возникает патовая ситуация: финансовый капитал, благодаря неэквивалентному обмену между странами ядра и периферии, сконцентрировал в странах G7 огромные финансовые ресурсы, надувающие «финансовые пузыри» на западных

биржах, которые вот-вот лопнут, обесценив этот капитал. В то же время в странах периферии Рах Америгана сконцентрирован огромный потребительский спрос, который не удовлетворен из-за низкой платежеспособности населения. В результате мы имеем, с одной стороны, мировой кризис перепроизводства, а с другой, – кризис неудовлетворенного спроса.

Таким образом, страны БРИКС, выступая ядром Азиатского цикла накопления капитала, концентрируют вокруг себя будущую периферию. Настоятельным требованием времени является переход от однополярного к многополярному мироустройству, когда проамериканская модель мирового хозяйства распадется на несколько валютных зон, и, судя по всему, страны БРИКС вполне могли бы стать лидерами этих валютных зон, а страны периферии могли бы свободно выбирать, в какую из валютных зон им выгоднее войти.

Учитывая охарактеризованные выше глобальные изменения, становится понятно, что борьба за мировое лидерство разворачивается между США, Россией и Китаем, в которой США для сохранения своего доминирования разыгрывают привычный им сценарий развязывания военного конфликта в Европе, пытаясь в очередной раз за ее счёт упрочить своё положение в мире. Для этого они используют старый английский геополитический принцип «разделяй и властвуй», воскрешая подсознательную русофобию политических элит европейских стран и делая ставку на традиционный для них «священный поход» на восток. При этом, следуя заветам Бисмарка и советам З.Бжезинского, в качестве главной линии раскола они используют Украину, рассчитывая, с одной стороны, на ослабление и болезненную реакцию России, а с другой – на консолидацию европейских государств в их давнем стремлении к «освоению» украинских земель.

5. И все же нельзя не отдать должного американцам: расчёт американских геополитиков был точен, а действия – практически безошибочны: за полгода они провели блицкриг, фактически оккупировав Украину, и, подчинив себе ЕС в антироссийской истерии. При этом фактически уже окупили за счёт присвоения части украинских активов полтора миллиарда долларов, потраченных на организацию госпереворота и приведение к власти своего марионеточного правительства с относительной легитимизацией своего агента в качестве президента Украины. Кое-как, но провели выборы в Раду, также создав имитацию законноизбранной законодательной власти, готовой выполнять их стратегические замыслы даже ценой истребления собственного народа.

Россия сумела спасти от американской оккупации только Крым, а истекающий кровью Донбасс, скорее всего, становится зоной затяжного гражданского вооружённого конфликта. Россию, как кажется американским стратегам, они заманили в политический капкан: применение российской армии для освобождения Донбасса гарантирует втягивание в войну против России ЕС, НАТО и означает фактически начало мировой войны; неприменение силы повлечёт создание разрастающейся националистической воронки в центре Европы, которая уже интернационализируется, становясь очагом дестабилизации и для России. Развёртывание региональной, а возможно, и мировой войны на выгодных для США условиях может стать не гипотетической, а вполне реальной опасностью.

При этом Россия, по их мнению, безусловно, обречена на тяжёлое поражение вследствие уже состоявшейся потери Украины, а также консолидации всех развитых стран мира, включая, наряду с союзниками по НАТО, Японию и Южную Корею. Поражение России должно повлечь возвращение её под американский контроль, как это было при Б.Ельцине, а ослабление Европы – её полное экономическое подчинение посредством формирования вожделенной трансатлантической зоны свободной торговли на американских условиях. Тем самым Вашингтон надеется укрепить своё положение и сохранить мировое господство. Однако, в этой циничной логике есть просчёт: действуя на основе ошибочных, устаревших представлений о европейской геополитике, американцы умудрились воскресить на националистической почве крайнюю форму нацизма – фашизм, который Западная Европа, пережившая этот ад, рано или поздно распознает и вряд ли будет дальше его приветствовать и поддерживать.

6. Наднациональные бизнес-элиты, подчинившие себе американское государство, в целях распространения своего доминирования на все регионы земного шара, всегда будут ориентированы на агрессивное противостояние любым попыткам независимой, самостоятельной экономической политики, а тем более появлению потенциальных конкурентов. Переформатировав политическое сознание населения, манипулируя перераспределением части сверхдоходов для создания иллюзии «общества всеобщего благоденствия» при почти 15% живущих за чертой бедности, государственная машина США все больше превращается в имперский институт, где всюду господствует цензура, практически всеми СМИ наращивается централизованно регулируемая антироссийская пропаганда, выборы осуществляются специальными выборщиками, а не всем народом, где любые всплески свободомыслия преследуются по закону как антиконституционные акты, где в тюрьмах находится 2,5 млн. человек, а на содержание тюрем тратится в 6 раз больше средств, чем на образование, где от подлинно демократических институтов остались только названия и лозунги.

В феврале 2015 года США представили свою новую стратегию национальной безопасности, сменившую программу, принятую в 2010 году. В основе стратегии три главные идеи, являющиеся лейтмотивом всего документа.

Первая: утверждение о том, что США – лучшие в мире во всем. Их демократия самая образцовая в мире, а вооруженные силы – самые передовые и боеспособные. Американская экономика является самой преуспевающей, а в борьбе со всеми глобальными проблемами (климатическими изменениями, терроризмом и болезнями по всему миру) Штаты также добились больше других.

Вторая идея: абсолютная убежденность в собственном лидерстве в мире: «Сильное и устойчивое американское лидерство крайне важно для основанного на правилах международного порядка, который отстаивает глобальную безопасность, благополучие, а также человеческое достоинство и права всех народов. Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать» [21].

Третий постулат стратегии – Америка уверена, что всему миру будет хорошо только тогда, когда хорошо будет ей: «Американское лидерство – это глобальная сила добра, но оно зиждется на наших непреходящих национальных интересах, на что указывала наша стратегия национальной безопасности от 2010 года» [21].

Таким образом, США вновь показали и доказали приверженность к агрессивному, силовому достижению своих глобалистских целей, обеспечению мирового лидерства корпорократии любой ценой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. Уильямсон // THESIS. – 1993. – Т. 1, Вып. 3. – С. 39–49.
2. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3.
3. Wullweber J. Postmodern and Poststructural International Political Economy / J. Wullweber, C. Scherrer [Electronic resource]. – Access mode : http://www.blackwellreference.com/subscriber/uid=/tocnode?id=g9781444336597_yr2011_chunk_g978144433659716_ss1-25
4. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ie.boom.ru/Polanyi/Polanyi/html>

5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 1999. – 353 с.
6. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com/book/raynert_erik/kak_bogatye_strani_stali_bogatimi_i_pochemu_bednye_strani_ostayutsya_bednimi.html
7. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fhotm.kpi.ua/guest/ekiller.pdf>
8. Рокфеллер Д. Банкир в XX веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maximalibrary.org/component/maxlib/b/38227/read>
9. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М., 1970. – Т. 27 : Август 1915 – июнь 1916. – С. 299–426.
10. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – М.: Тренд, 2006
11. Клинтон Х. Ум и сила [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2009/01/13_a_2923785.shtml
12. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/>
13. Оборонная директива США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/1992/03/10/direktiva.html>
14. Шарп Дж. От диктатуры к демократии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://patriotic-front.narod.ru/Sharp.htm>
15. Smith Ed. Effects based Operations [Electronic resource]. – Access mode : http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/ccrp/ebo_smith.pdf
16. Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? / И.В. Максимов. – М.: «Книга по требованию», 2010.
17. Горгола Е.В. Национальная безопасность России в эпоху сетевых войн [Текст] / Е.В. Горгола: монография. – М.: РГСУ. Ярославль: «Канцлер», 2014.
18. Онил Дж. Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/dzhim_onil/karta_rosta_budushee_stran_brik_i_drugih_razvivayuschihsy_a_rinkov/read/
19. Солянова М.В. Проблемы лидерства США в современных международных отношениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=428>
20. Катасонов В. Трансатлантическое партнёрство и валютный суверенитет Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalconflict.ru/analytics/100215-valentin-katasonov-transatlanticheskoe-partnyorstvo-i-valyutnyj-suverenitet-evropy>
21. Эксперты объяснили, зачем США пропагандируют русофобию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ren.tv/novosti/2015-06-05/eksperty-obyasnili-zachem-ssha-propagandiruyut-rusofobiyu>.